

1

Универсальная затычка

*Здесь начинается рассказ Клода Айрмонгера,
Форличингем-парк, Лондон*

Как все началось

А все началось — в смысле, со всеми далеко идущими последствиями — в тот самый день, когда у тетушки Розамути пропала ее дверная ручка. Это была не просто ручка — это была любимая ручка, между прочим, латунная. В поисках оной никак не помог даже тот факт, что весь день накануне ручка неотлучно была при ней, когда она носилась по всему особняку, выискивая, к чему бы такому придраться и по какому поводу поворчать — такая уж у нее была привычка. Она несла дозор на всех этажах особняка, на всех лестницах, внезапно распахивала какие-нибудь двери и обязательно хоть что-нибудь да находила. И во всех ее дотошных изысканиях, утверждала она, ручка была при ней: вчера была, сегодня — нет. А это значит, *взвывала* она к окружающим, что ее кто-то взял!

Такого переполоха я не помню с тех времен, как мой *прадядюшка*, то бишь двоюродный дедушка, Питтер, посеял свою английскую булавку. Тогда весь дом тоже обшарили сверху донизу, прежде чем совершили открытие: все это время злокозненная булавка благополучно пребывала там же, где и ранее, а именно в кармане пиджака у бедного дяди, только и того, что сквозь прореху провалилась за подкладку.

Это открытие сделал не кто иной, как я. После этого случая я и стал ловить на себе косые взгляды прочих домочадцев. Вернее, косыми-то взгляды были и раньше, поскольку я никогда не вызывал особого доверия — то и дело на меня кто-нибудь шикал, чтобы я не путался под ногами, — но теперь это «косоглазие» заметно усилилось. Видимо, в найденной мною булавке домочадцы узрели подтверждение справедливости своих смутных сомнений: мои тети и кузины стали сторониться меня, без надобности даже не разговаривали со мной, в то время как кузен Муркус, напротив, повадился за мной следить. Кузен Муркус был убежден, что именно я сокрыл прадядюшкину булавку в недрах его же кармана, за что и должен понести заслуженное наказание. Посему как-то раз он подстерег меня в темном переходе, постучал моей головой о стенку ровно двенадцать раз, ведя счет вслух (двенадцать лет на тот момент был мой возраст), после чего подвесил на крюк за воротник пиджака, на коем я и провисел два часа, прежде чем меня нашел кто-то из прислуги.

А самым отходчивым оказался не кто иной, как сам прадядюшка Питтер: похоже, после того как пропала, а затем отыскалась его булавка, он так и не оправился от разыгравшейся душевной драмы. Весь этот гвалт вокруг, обвинения всех и вся почем зря и все такое... В общем, следующей весной он и отошел. Тихо. Во сне. С любимой булавкой, припиленной к пижаме.

Клод Айрмонгер Болезный

— А ты откуда знаешь про булавку? — поинтересовались домочадцы. — С чего ты взял, что она там?

— Я ее услышал, — отвечал я. — Она кричала.

Я слышал вещи

Эти два мясистых лопуха с дырочками для прохождения звуков всегда были заняты делом. Я слышал даже то, чему был сам не рад. Но чтобы это понять, нужно было время.

Еще в младенчестве, как мне рассказывали, я любил пороть без всякого повода. Я мог тихо-мирно лежать в колыбели и вдруг ни с того ни с сего загорланить так, будто кто-то дернул меня за жиденькие волосенки, облил кипятком или накинудся с ножом. Спасу от меня не было. Я был не таким, как все нормальные дети, говорили мне, я был трудным и непокорным ребенком, уговорить которого стоило большого труда. Я заставлял врасплох, как та колика. Причем хроническая колика. Видно, поэтому нянечки у нас не задерживались.

— Почему ты такой вредный? — спрашивали они. — Когда же ты успокоишься?

Меня одолевали звуки. Вот из-за них-то я и был такой дерганый, зашуганный и злой. За звуками крылся смысл, но я его тогда не понимал. Для меня то были пустые звуки: шелест, шорохи, звоны, звяки, тявки, стоны, хрусты, хрипы, храпы... По большей части еле слышные. Временами — невыносимо громкие. Когда б я умел говорить, то, не закрывая рта, небось, обращался бы к всевозможным вещам: «Кто там? Кто это сказал? Да успокойся же ты — ты просто-напросто тряпка для раковины. А ты, ночной горшок, мог бы и промолчать!» А все потому, что вещи, самые, казалось бы, обыденные и заурядные вещи говорили со мной человеческими голосами.

Моих нянек задевало не по-детски, когда я норовил «дать шлепка» то стулу, то миске, то колокольчику, что стоял на

